ТАРАСЪ - О РУСС. ЦАРЯХЪ

Slav
4471
20.100

Slav 4471.20.100

Harvard College Library

FROM

Prof. Thomas Whittemore

Свободному Русскому народу въ назиданіе.

ДѢДУШКА ТАРАСЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ
О
РУССКИХЪ ЦАРЯХЪ

(Русская исторія въ стихахъ).

Цѣна 35 коп.

ОДЕССА.
Тип. Акц. Южно-Русск. О-ва Печ. Дѣла. Пушкинская 18.
1917.

ДѢДУШКА ТАРАСЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ
О
РУССКИХЪ ЦАРЯХЪ

(Русская исторія въ стихахъ).

ОДЕССА.
Тип. Акц. Южно-Русск. О-ва Печ. Дѣла Пушкинская 18.
1917.

Sg 4471.20.100

HARVARD COLLEGE
Aug 17 · 1931
LIBRARY

Prof. Thomas Whittemore

Старый дѣдушка Тарасъ
Сказки сказывать гораздъ.
Разуважилъ вечоръ насъ.
Его слушалъ котъ въ печуркѣ,
Еще кошечка въ кошуркѣ,
Да за печкой тараканъ,
Да я, молодецъ Иванъ.
А теперя сказку эту
Разскажу всему я свѣту.

Три братана, три варяга,
Путь держали средь морей,
А за ними шла ватага
Разудалыхъ усачей.
Все гуляли, подбирали,
Коли плохо что лежитъ.
Былъ нарядъ на нихъ изъ стали,
А душа въ груди—гранитъ.
Молвь про нихъ далеко шла:
Лишь рука бы подошла,
Спуску братья не дадутъ,
Аль ограбятъ, аль убьютъ.
Много плакалось сиротъ
На разбойный тотъ народъ.
Долго шайка та бродила
По широкимъ по морямъ.
И, должно быть, вражья сила
Завела ее и къ намъ.
Вышли на берегъ высокій
И подперли руки въ боки.

Глядь-поглядь, земля богата,
Молокомъ ручьи текутъ,
Люди жъ,—что твои ягнята,
Все безъ боя отдаютъ.
А народъ зовутъ „Славяне“.
Такъ немудрые крестьяне;
Ходятъ въ липовыхъ лаптяхъ,
Да у всѣхъ кусокъ во щахъ.
Всѣ равны другъ дружкѣ въ чинѣ,
А начальства нѣтъ въ поминѣ.
Про царей и про господъ
И не слыхивалъ народъ.
Въ городу али въ селеньи
Всякъ живетъ въ своемъ имѣньи,
А порядокъ весь ведетъ
«Вѣче»—значитъ: мірской сходъ.
Покрутивъ свой длинный усъ,
Говоритъ тогда братанамъ
Братъ середній Синеусъ:
—«А какого жъ рожна намъ?
Я, ребята, хоть не трусъ,
Да не будетъ ли бродяжить?
Не пора ли на покой?
Такъ давайте—станемъ княжить
Мы надъ здѣшнею землей.
Сами видите вы, чай,
Что жить тутъ прямо рай!»
Полюбилася братанамъ
Рѣчь подобная.—„Друзья“!
Говорятъ они славянамъ,—
„Не возьмете-ль насъ въ князья?
Хоть мы сѣять непривычны,
Не училися и жать,
Зато подати отлично
Съ васъ бы стали собирать!“
Ходятъ старосты по селамъ,

Ходятъ съ сердцемъ не веселымъ,
Подъ окошками—стукъ, стукъ!
Молъ: сбирайся въ общій кругъ!
Собрался народъ на сходку,
Старики вошли въ середку
И давай судить, рядить,
Чѣмъ бы ту бѣду избыть.
—„Вотъ, вѣдь не было печали,
Да вишь черти накачали!“
Молодежь не прочь и въ бой;
Старики кричатъ: «Постой!
Всѣмъ вѣдь вѣдомо, разбоемъ
Пріучились братья жить.
Коль не взять ихъ смертнымъ боемъ
Насъ, пожалуй, станутъ бить.
Если жъ съ ними воевать,
Такъ вишь намъ не совладать.
Вѣдь мы знали до сихъ поръ
Только соху да топоръ.
И великъ ли тутъ оброкъ?
Выйдетъ съ носа пятачекъ!“
Посудили, порядили
И окончили на томъ,
Что братановъ пригласили
На княженье вразъ втроемъ.
Молвитъ братьямъ тутъ Труворъ:
—«Вотъ никакъ не ожидалъ:
Нынче утромъ былъ я воръ,
А подъ вечеръ княземъ сталъ!“
Изъ той троицы варяжьей
Всѣхъ братъ Рюрикъ пережилъ.
На Руси породѣ княжьей
Онъ начало положилъ.
Игорь, сынъ его, за данью
По славянамъ ѣздилъ съ бранью;
Словно волкъ онъ жаденъ былъ,

Да не долго походилъ;
Мужики его поймали,
Двѣ березки принагнули,
На нихъ князя растянули
И на части разорвали;
Разнизали словно лапоть,—
Молъ не будешь больше хапать!
Святославъ потомъ сталъ княземъ—
Изъ князей задорнѣй всѣхъ,—
Да его дубиной на земь
Грохнулъ на смерть печенѣгъ.
Быть бы княземъ Ярославу,
Да Владиміръ тутъ на славу
Брату голову свернулъ
И сѣлъ самъ на княжій стулъ.
Толко больно стали черти
Мучить князя. Какъ тутъ быть?
Чтобы въ рай попасть по смерти,
Онъ задумалъ Русь крестить,
И, не медля, въ тотъ же часъ,
Разослалъ вездѣ приказъ:
«Чтобы всѣмъ собраться къ рѣкамъ,
И здоровымъ и калѣкамъ.
Будетъ тамъ сперва крещеніе,
А потомъ и угощеніе».
Тутъ по всей Руси великой
Поднялися плачъ и крики.
Только гдѣ тамъ съ княземъ вздорить,
Съ нимъ накладно и поспорить:
Коли чуть что не по немъ,
Угоститъ какъ разъ дубьемъ.
Тамъ хоть послѣ удавись,
А сейчасъ иди крестись.
Забралися въ воду люди,
Кто по брюхо, кто по груди,
Окрестились, а потомъ

Старыхъ жгли боговъ огнемъ
Али на рѣку тащили,
И смотрѣли, какъ тѣ плыли,
И Перуну и Дажбогу—
Показали всѣмъ дорогу.
Съ Іордани воротясь,
Говоритъ опять тутъ князь:
—„Отъ крещенья будетъ толкъ,
Да поповъ тутъ нуженъ полкъ“.
Шлетъ за ними онъ въ Царь-Градъ
Гдѣ царемъ его былъ сватъ.
Не успѣлъ моргнуть народъ,
Глядь, валитъ ужъ крестный ходъ.
Какъ разбухшіе клопы,
Цугомъ тащатся попы.
А попамъ житье не худо!
Имъ доходъ идетъ повсюду.
У нихъ очи завидущи,
У нихъ руки загребущи;
Пьютъ, ѣдятъ они во сласть,
Да кричатъ „Отъ Бога власть!“
Разъѣзжаютъ по приходу,
Набиваютъ свой карманъ.
Невдомекъ совсѣмъ народу,
Что выходитъ тутъ обманъ.
Заручившись такъ у Бога,
Въ рай поѣхалъ старый князь.
Превеликая тревога
На Руси тутъ поднялась.
Княжьи дѣти братъ на брата
Поднялись, какъ супостаты.
Было, мудрый Ярославъ,
На престолъ отца попавъ,
Утишилъ на время смуту,
Да въ предсмертную минуту
Сыновьямъ раздалъ владѣнья.

Тутъ опять пошло смятенье.
За отцовское имѣнье
Братья съ сѣвера и съ юга
Принялися бить другъ друга.
Дружка дружку такъ тузятъ,
Что лишь клочья вверхъ летятъ.
Лишь тогда устанутъ драться,
Какъ ужъ когти притупятся.
Тутъ сойдутся, поклянутся
Вѣкъ въ согласьи доживать
Да и дѣтямъ наказать.
Не успѣешь оглянуться,
Анъ сцѣпилися опять.
Другъ у друга безъ стыда
Грабятъ села, города;
Мужиковъ нещадно бьютъ,
Бабъ и дѣвокъ въ плѣнъ берутъ.
Да въ неволю продаютъ.
Вѣдь извѣстно, мужичекъ
Не опенокъ, не грибокъ,—
Подъ пенечкомъ не растетъ:
Убавляться сталъ народъ.
Тутъ славяне и смекнули,
Что князья то ихъ надули.
Сталъ народъ было галдѣть;
„Братцы, что же намъ глядѣть?
Вѣдь выходитъ дѣло дрянь!
Согласились мы на дань:
Бить другъ друга безъ разбора—
Не держали уговора“.
Да хоть близокъ локотокъ,
Не укусишь, мой дружокъ.
Всякій князь въ своемъ повѣтѣ
Какъ паукъ разставилъ сѣти.
Словно мухи, въ нихъ народъ
Бьется, ходу не найдетъ.

Только Новгородъ одинъ
Самъ себѣ былъ господинъ,
Самъ князей онъ выбиралъ.
Коль доберъ князь, оставлялъ;
А случится, выборъ плохъ,—
Ставилъ князя на порогъ:
—«Вотъ тебѣ, молъ,семь дорогъ;
Отправляйся , куда хошь,
А для насъ ты не хорошъ.»
Той порой издалека,
Услыхавъ про княжьи свары,
Къ намъ нагрянули татары.
Наломавъ князьямъ бока,
Стали къ намъ изъ Астрахани
Посылать они по дани.
Триста лѣтъ платилъ народъ
Хану подать всякій годъ.
Хорошо и то хоть было,
Что князьямъ ошибли крыла.
Стало Рюриково племя
Цѣловать татарамъ стремя.
Ужъ за княжескій престолъ
Воевать народъ не шелъ,
И на тронъ садился князь,
У татаръ благословясь.
Да князья нашлись и тутъ:
Къ хану съ ябедой идутъ,
Дарятъ златомъ, серебромъ
Другъ на друга бьютъ челомъ.
А кто больше всѣхъ давалъ,
Тотъ у хана правъ бывалъ.
Вотъ минуло триста лѣтъ
Глядь, князей то ужъ и нѣтъ:
Всѣхъ московскій князь извелъ...
Самъ усѣлся на престолъ
И назвался „рускій царь,

Православный государь".
У татарской же орды
Поднялися нелады.
Знать, пришла и къ нимъ бѣда,—
Разбрелися, кто куда.
А за данью шлютъ да шлютъ
(Можно брать, коли даютъ).
Только царь тутъ догадался:
Дань платить онъ отказался,
А съ народа весь оброкъ
Взялъ да въ козну поволокъ.
Тутъ пришлось народу круто,
Ужъ татары были люты,
А цари лютѣй разъ въ пять.
Вотъ ужъ подлинно сказать:
Отъ дождя да прямо въ воду.
Завели такую моду:
Кто не можетъ уплатить,
Царь велитъ того схватить
(Да не думай, что въ острогъ,—
Это милостивъ бы Богъ),—
А на площадь отведутъ
Да плетями бить начнутъ.
Бьютъ сердечнаго, пока
Кто не купитъ мужика.
Кто купилъ, тому холопъ
Будетъ онъ по самый гробъ.
Деньги всѣ въ казну цареву,
А бѣднякъ реветъ коровой.
Но однако жъ одному
Цѣлымъ царствомъ никому
Не подъ силу управлять.
Стали тутъ цари смекать.
Домекнулись подъ господъ
Отдавать простой народъ:
Чтобы всякій воевода

Жилъ съ мужицкаго дохода,
А что лишку соберетъ,
То царю въ казну идетъ.
Время шло за годомъ годъ,
Старину забылъ народъ.
Началъ вѣритъ онъ попамъ,
Что царей самъ Богъ далъ намъ.
Только Новгородъ богатый,
Городъ вольный, тароватый,
На поклонъ къ царю нейдетъ,
Дани-подати не шлетъ.
Оттого тамъ всѣ богаты.
Бѣлымъ тесомъ крыты хаты.
Новгородскія молодки
Выступаютъ, что лебедки,
А у дѣвокъ косы въ лентахъ,
Сарафаны въ позументахъ.
Весь народъ тамъ ходитъ чисто,
Есть наряды рублей въ триста.
У царей горитъ зубокъ
На тотъ вольный городокъ.
Царь ложится въ домовину,
А наказываетъ сыну:
„Непремѣнно, мое чадо,
Разорить тотъ городъ надо“.

* * *

„Вы послушайте, братцы, про старое,
Про старое дѣло, бывалое.
На быстрой рѣкѣ, на Волховѣ,
На красномъ, крутомъ кряжу
Стоитъ славный вольный Новгородъ,
Что большой бояринъ въ бобровой шапкѣ,
Распахнувши соболью шубу,
Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ.
На заставѣ вокругъ стараго
Лѣса темные, дремучіе,

Рѣки быстрыя, болота вязкія.
Не подойти къ городу силѣ вражеской
Ни весной красной, ни осенью,
Ни въ жаркую пору лѣтнюю.
Проходило времячко осеннее,
Осеннее время непогожее,
Наставали дни студенные.
До зари было, до зорюшки,
До восхода ясна солнышка,
До заката свѣтла мѣсяца,
Поднимался старый плотничекъ,
Николай святой угодничекъ.
Какъ онъ сталъ кругъ города похаживать,
Костылемъ онъ сталъ постукивать.
Понавелъ онъ мосты крѣпкіе
Черезъ рѣки, рѣки быстрыя;
Безъ пилы построилъ, безъ топорика.
Положилъ онъ гать широкую
Черезъ болота-грязи черныя,
Увалилъ онъ землю-матушку,
Что не бѣлыми опилками,—
Серебристымъ снѣгомъ-инеемъ.
А московскій царь Иванъ Васильевичъ,
Мужикъ онъ былъ догадливый.
Собиралъ онъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Скопилъ силы сто тысячей,
Тутъ же съ ними въ походъ пошелъ.
По насту шли, словно по суху,
Во темныхъ лѣсахъ клали просѣки.
Подступила сила къ Нову-Городу,
Обложила буйный съ четырехъ сторонъ.
Хочетъ городъ царь за себя весь взять,
Села, слободы на дымъ пустить,
Золоту казну въ Москву выволочь.
На самаго Николу на зимняго,

На своего любимаго угодничка,
Просыпался Господь ранехонько.
Вставалъ онъ съ мягкой постели изъ облаковъ,
Умывался чистымъ небеснымъ свѣтомъ,
Утираться сталъ широкимъ полотенцемъ.
Концы у ширинoчки вышиты
Цвѣтными шелками, жаркимъ золотомъ,
Конецъ одинъ съ неба свѣсился.
Увидали попы, говорятъ: «Заря».
Зазвонили къ заутренѣ.
Высыпаетъ народъ. Да не въ церковь,
На стѣну валитъ городовую.
А промежъ людей Ѳедя блажененькій.
На морозѣ босикомъ онъ поскакиваетъ,
Желѣзы-вериги на немъ позвякиваютъ.
Причитаетъ Ѳедя, самъ слезами обливается:
—„Приползли муравьи московскіе!
Они кровь изъ Нова-Города высосутъ,
Его ясные глазыньки вылижутъ,
Бѣлое тѣло на костяхъ выгложутъ“...
Со стѣны смотрятъ новгородцы во чисто поле.
Почернѣло поле отъ московскихъ ратниковъ,
Шевелится, что кочка муравьиная.
На ту пору въ Новѣ-Городѣ
Не случилось удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Храброй дружины новгородской.
Новгородцы тутъ закручинились,
Закручинились, запечалились.
Говорятъ они царскимъ ратникамъ:
—«А не стыдно ли вамъ, ребятушки,
Палить у насъ села, слободы,

Слезить бабъ да красныхъ дѣвушекъ,
Сиротить малыхъ ребятушекъ?
Сами вы люди, чай, крещеные,
Одному Спасу съ нами молитесь".
А ратники московскіе—охальники;
Головы кочанныя, бороды мочальныя,
Смѣются они, похваляются,
Съ новгородками спать собираются.
Сходились тутъ мужики новгородскіе,
Мужики торговые, матерые;
Выбирали они поклонныхъ пословъ
Къ самому царю Ивану Васильевичу.
Пошли послы, подарки понесли;
Не сами понесли, на возахъ повезли.
Одинъ возъ чиста серебра,
Другой возъ красна золота,
Третій—скатна жемчуга.
Нашли царя во цвѣтномъ шатрѣ.
—«Ты возьми-ка, батюшка, Иванъ
Васильевичъ,
Дары отъ насъ драгоцѣнные,
Отступись отъ великаго Новгорода!"
Принялъ царь дары великіе,
Говоритъ посламъ, усмѣхается:
—«Спасибо отъ насъ Нову-Городу на
гостинчикѣ.
Только вы люди старые,—забывчивы.
Есть еще про меня у васъ подарочекъ:
Вы отдайте мнѣ волю Новгородскую!»
Ни съ чѣмъ послы воротилися,
Великому Новгороду поклонилися.
Повѣдали ему слово царское.
Что вода въ морѣ всколыхалася,
Зашумѣлъ, закипѣлъ славный Новгородъ.
Закричалъ народъ во едино слово:
«Лучше смерть принять въ честномъ бою!

Вы вставайте-ка братцы, какъ одинъ
человѣкъ!
Мы пойдемъ на валы, на широкіе,
Сложимъ свои головы за великій
Новгородъ,
За святую волюшку-душу новгородскую!.»
Поднималась тутъ битва великая,
Что великая битва, послѣдняя.
На валахъ, на стѣнахъ семь дней билися,
Да еще трое сутокъ на улицахъ.
Разсытились въ крови снѣги бѣлые,
Разстопился отъ жаркой ледъ на
Волховѣ.
Повалился тогда вольный Новгородъ,
Отлетѣла душа отъ Великаго.
Наступилъ ему царь тутъ на голову.

* * *

Дальше больше, годъ отъ году,
Сила царская растетъ.
Все тяжеле жить народу.
Кто жъ на выручку придетъ?
Словно въ стадѣ звѣрь играетъ,
По Москвѣ бурлитъ пожаръ.
Всталъ народъ: въ огонь кидаетъ
Царскихъ слугъ, дьяковъ, бояръ,
Правду-волю добываетъ...
Царь Иванъ Васильевичъ Грозный
Былъ хоть робокъ, но смышленъ.
Вотъ къ народу съ просьбой слезной
Онъ выходитъ на балконъ:
—„Православные міряне,
Городскіе и сельчане!
Хорошо я знаю самъ,
Что живется худо вамъ.
Много плачетъ вдовъ, сиротъ
Отъ бояръ и воеводъ.

Виноватъ и я тутъ много,—
Прогнѣвили всѣ мы Бога.
Ну, да что же? Какъ же быть?—
Что прошло,—не воротить,
Только знайте, напередъ
Отъ жестокихъ воеводъ
Ужъ обидъ не будетъ вамъ:
Я указъ такой издамъ.
Вѣрьте мнѣ, царю Ивану,
Что за васъ горой я стану!"
Пѣлъ Иванъ, какъ соловей,
А извѣстно, что мужикъ
Къ царской ласкѣ не привыкъ.
Отъ медовыхъ тѣхъ рѣчей
Мужики, и старъ и младъ,
Позабывши царскій кнутъ,
Распустили нюни тутъ.
Сами плачутъ и кричатъ:
—„Ты одинъ—отецъ народу!
За тебя въ огонь и въ воду!"
Эхъ, трахъ тарарахъ!
На Сіонскихъ горахъ
Спасался монахъ.
По ночамъ колобродитъ,
По утрамъ Бога молитъ.
Онъ поклоны выбиваетъ,
Въ мысляхъ чорта поминаетъ.
Царь на радости такой
Пиръ устроилъ пребольшой.
Да недолго онъ лисой
Предъ народомъ забѣгалъ;
Праздникъ скоро миновалъ.
Скоро сбросилъ царь личину,
Собирать почалъ дружину
Изъ дворянъ и кулаковъ,
Міроѣдовъ—мужиковъ.

Кто въ дружину ту ставалъ,
Клятву страшную давалъ:
Чтобы помнить только службу,
Не водить ни съ кѣмъ бы дружбу;
Чтобъ отца и мать забыть,
Одного царя любить.
Чтобъ по царскому приказу,
Кого скажутъ, убить сразу,
А за царскую награду
Не бояться бы и аду.
Звали войско то опричной,
Былъ у всѣхъ нарядъ отличный:
Серебромъ кафтаны шиты,
Позолотой сабли крыты,
Въ скобку стрижены волосья,
А при сѣдлахъ морды песьи.
Какъ собаки сами люты,
У нихъ набольшій Малюта.
Въ городахъ, селеньяхъ рыщутъ,
Царскихъ недруговъ все ищутъ.
Кто придетъ имъ не по нраву,—
Тотчасъ тащатъ на расправу.
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ,
Въ ротъ смолы горячей льютъ;
Со спины, царю въ угоду,
Рѣжутъ шкуру на полоски.
Тутъ-то русскому народу
Отлились царевы слезки!
Царь на пыткахъ самъ бывалъ,
Припекалъ и свѣжевалъ,
А когда порой случится,
Что за сутки казни нѣтъ,
Такъ Ивану ночь не спится,
Немилъ кажется и свѣтъ.
Не давали, значитъ, спуску!
И, бывало, чуть заря,

Изъ людскихъ головъ закуску
Ужъ готовятъ для царя.
Чѣмъ покончилось бы дѣло,
Намъ теперь не разрѣшить,
Да, на счастье, хворь приспѣла;
Сталъ Иванъ заживо гнить,
И въ кругу придворныхъ слугъ
Отдалъ чорту смрадный духъ.
Сѣлъ на царство Ѳедоръ царь.
Не любилъ онъ царскихъ дѣлъ;
То и дѣло, что говѣлъ
Да звонилъ, какъ пономарь,
Всякій день въ колокола.
Скоро смерть его взяла.
Не оставилъ онъ дѣтей
Ни сыновъ, ни дочерей,
А Димитрій, царскій братъ,
Былъ зарѣзанъ, говорятъ.
Перевелся царскій родъ.
Собрался бояръ тутъ сходъ.
Стали думать да гадать,
Гдѣ бы имъ царя достать.
Глядь, татаринъ Годуновъ
На престолъ ужъ сѣсть готовъ.
Только ждетъ, чтобъ попросили.
Тутъ бояре и рѣшили,
Что въ цари еще такого
Не найти, какъ Годунова.
Да за что жъ татаринъ тотъ
У бояръ попалъ въ почетъ?
Никакого въ томъ нѣтъ чуда:
Хоть жилось крестьянамъ худо,
Все же былъ въ году денекъ:
Въ день тотъ русскій мужичекъ,
Коли станетъ не въ охоту
Править барскую работу,

Могъ помѣщика бросать,
Да къ другому кочевать.
Для жестокихъ для дворянъ
Былъ не малый въ томъ изъянъ,
А Борисъ то, царскій шуринъ,
Тотъ возьмись, да не будь дурень,
Какъ то Ѳедору шепни:
—„Юрьевъ день ты отмѣни“.
А, извѣстно,—государь,
Что сегодня, то и встарь:
Мужику изъ-за господъ
Онъ хоть глотку перерветъ.
Началъ царствовать Борисъ.
Вдругъ, откуда ни возьмись,
Самозванецъ, Гришка-воръ,
Шасть изъ Польши къ намъ во дворъ,
Во всѣ стороны палитъ:
—„Я Димитрій,—говоритъ—
И престолъ выходитъ мой.
Уходи, Борисъ, долой!“
Годуновъ было со страху
Потащилъ народъ на плаху,
Все жъ повѣрили то вору.
И пошелъ Григорій въ гору.
Отъ обиды и отъ горя
Царь Борисъ скончался вскорѣ.
Лже-Димитрій безъ препонъ
Тутъ вскарабкался на тронъ.
Правду молвить, изъ царей
Былъ онъ много всѣхъ добрѣй.
Годъ носили москвичи
Самозванцу калачи,
А потомъ загнали въ кутъ.
Тамъ и былъ ему капутъ.
Вновь сошлись бояре въ думу.
Было много спору, шуму.

Вдругъ поднялся Шуйскій князь
И, собранью поклонясь,
Молвилъ:—«Спорить намъ о чемъ?
Быть не прочь и я царемъ».
Согласились, присягнули.
Заигралъ тутъ Шуйскій «лю-ли!»
Да не всѣмъ пришелъ по вкусу,
И за то его къ Іисусу
Въ монастырь потомъ турнули.
Безъ царя Россія снова,
Выбирать давай другого.
Тутъ въ Москву изъ разныхъ мѣстъ
Пребольшой собрался съѣздъ.
И собраніе то рѣшило:
Надо выбрать Михаила.
Михаилъ Романовъ младъ
Былъ ни знатенъ, ни богатъ,
Прапрадѣдъ его, Кобыла,
Изъ-за моря къ намъ пришелъ
Да и счастье тутъ нашелъ.
Сынъ Кобылы, Ѳедоръ Кошка,
Былъ сродни царямъ немножко:
Его внучка, то ли дочь,
Провела съ царемъ, вишь, ночь.

На новую погудку
Тутъ сказку заведемъ.
Катятъ по первопутку
За новымъ за царемъ.
Бояре такъ и пляшутъ:
„Молъ, Миша глупъ и младъ;
На дуракахъ же пашутъ.
Такой-де царь намъ кладъ!“
А мужику крупицы
Нѣтъ [illegible]ьзы все равно:
Жует[illegible]ь рукавицы,

Аль царствуетъ умно.
  Въ одной бояринъ парѣ
Идетъ всегда съ царемъ.
Ой-ой цари, бояре,
Ударитъ скоро громъ!
  Ой, кабъ не догадался
Крестьянинъ про царей!..
Вотъ Михаилъ скончался,
Царемъ сталъ Алексѣй.
  Ужъ въ крѣпостныя цѣпи
Закованъ весь народъ.
Кто смѣлъ, въ Донскія степи
За волею идетъ.
  На Волгу выплываетъ
Самъ Разинъ атаманъ.
Онъ вольницу скликаетъ,
Зоветъ къ себѣ крестьянъ.
  Бросаетъ съ колоколенъ
Царевыхъ воеводъ.
Аль скоро станетъ воленъ
По прежнему народъ?

. . . . . .

Нѣтъ на волю, видно, рано.
Въ плѣнъ схватили атамана.
Царь велѣлъ ему отсѣчь
Буйну голову отъ плечь,
Руки, ноги отрубить,
Мясомъ пушку зарядить,
Чтобъ не зналъ простой народъ,
Гдѣ Степана прахъ гніетъ.
  Умирая, Алексѣй
Трехъ оставилъ сыновей.
Старшій былъ и такъ и сякъ,
Средній вовсе былъ дуракъ,
Ну, а третій не простакъ,
Звали младшаго Петромъ.

Онъ то скоро сталъ царемъ,
Ни дородствомъ, ни съ лица
Былъ онъ вовсе не въ отца.
Да болтала вся столица,
Что Петрушу мать-царица
Прижила не съ муженькомъ,
А со служкой паренькомъ.
Правда ль это, али ложь,
Ужъ теперь не разберешь.
Только бился Петръ не мало,
Чтобъ доподлинно узнать:
Не слугу ли надлежало
За отца ему считать?
И, нагрѣвъ разъ прутъ желѣзный,
Сталъ старинушку пытать:
—«А! попался, другъ любезный!
Дай-ка мнѣ теперь отвѣтъ:
Ты отецъ мой, али нѣтъ?»
Тотъ сперва крѣпился было,
Словно въ ротъ воды набралъ.
Да повыбился изъ силы
И въ сердцахъ царю сказалъ:
—«Отвяжись! чего присталъ?
Инда саднитъ въ поясницѣ.
Чай вѣдь къ матушкѣ-царицѣ
Спать ходилъ я не одинъ:
Чортъ те знаетъ, чей ты сынъ!»
Сколько Петръ его не жегъ,
Ничего узнать не могъ.
А ужъ толи былъ не жохъ!
Проходилъ онъ огни, воды,
Видѣлъ разные народы,
Видѣлъ въ лицахъ небылицы.
Воротясь изъ за границы,
Сталъ порядокъ наводить:
Поснималъ съ бояръ кафтаны,

А съ боярынь сарафаны.
Въ сюртукахъ велѣлъ ходить,
Платья съ шлейфами носить.
А кто спорилъ, такъ тотъ плакалъ:
Шелъ на плаху, либо на колъ.
Бриться всѣмъ велѣлъ по чину;
За бритье жъ принялся самъ.
Только прежде для почину
Срѣзалъ головы стрѣльцамъ.
А срѣзалъ рукою своею.
Пять стрѣльцовъ поставитъ въ рядъ,
Да какъ саблей—хвать по шеѣ!
Сразу пять головъ слетятъ.
Не мирволилъ онъ и сыну,
И царевичъ Алексѣй
Принялъ тяжкую кончину
Отъ отцовскихъ палачей.
Подъ конецъ построилъ Питеръ,
Что карманы всѣмъ повытеръ.
Питеръ вывели въ болотѣ.
Мужики не по охотѣ.
На постройку мужиковъ
Царь сгонялъ со всѣхъ концовъ.
Да казны ему, вишь жалко,
Онъ рабочихъ кормитъ палкой.
А кто съ голоду опухъ,
Такъ того и подъ обухъ:
Принимай, сыра землица!
Ой ты, славная столица!
Поднялася всѣмъ на страхъ
На мужицкихъ ты костяхъ!
И еще бы Петръ, навѣрно,
Натворилъ не мало бѣдъ,
Только слегъ въ болѣзни скверной
И скончался въ цвѣтѣ лѣтъ.
Ой, ура! ура! ура!

Тронъ пошолъ женѣ Петра.
Катеринушка въ дѣвицахъ
Быть не чаяла въ царицахъ.
Въ кабакѣ на свѣтъ явилась,
Въ зеленѣ-винъ крестилась,
Подросла и загуляла.
Водку ковшикомъ пивала,
Ночевала по казармамъ
И за деньги и за даромъ!
Приходилось и вельможѣ
Съ нею ночи коротать,
Ну такъ, значитъ, отчего же
Ей царицею не стать?
На престолъ она попала,
Да не долго царевала:
Какъ до водки дорвалась,
Въ тотъ же день и опилась.
  Только крышкою дубовой
Катерину попъ накрылъ,
На престолъ возсѣлъ Петръ новый:
Внукомъ Первому онъ былъ.
Баловался съ нимъ придворный,
Словно съ собственной женой.
Но, однако, въ оспѣ черной
Скоро умеръ Петръ Второй.
  Не оставилъ онъ духовной,
А жениться не успѣлъ.
Тутъ вельможъ совѣтъ верховный
Думать думушку засѣлъ.
Стали голову ломать,
Гдѣ бы имъ царя достать.
А вельможи-то богаты.
У нихъ серебро и злато,
Денегъ куры не клюютъ!
А ужъ какъ ѣдятъ и пьютъ!
Всякъ вельможа нажилъ домъ,

Да не праведнымъ трудомъ.
Есть у всѣхъ и крѣпостные.
А вельможи то лихіе,
И, выходитъ, безъ царя
Имъ прожить никакъ нельзя.
А то сразу мужики
Примутъ ихъ на кулаки.
А вельможѣ за царемъ,
Что за каменнымъ бугромъ
Онъ его и наградитъ
И, коль нужно, защититъ.
Всѣ въ одно рѣшили слово:
Раздобыть хоть съ дна морского
Дому царскому родню.
Да залѣзли тутъ въ мотню.
Перевелся царскій родъ;
Не сыскать и на разводъ.
Хоть и знали, были дѣти
У Петра, да только эти
Родилися не въ законѣ,
Имъ не гоже быть въ коронѣ.
Засѣдалъ всю ночь совѣтъ,
А рѣшенья нѣтъ какъ нѣтъ.
Уже солнышко всходило,
Вдругъ вельможъ и осѣнило.
Кто-то вспомнилъ: за границей,
Во нѣмецкой во столицѣ
Баба глупая жила;
День зѣвала, ночь спала,
То похмѣльна, то пьяна.
Вишь, царю Петру она
Доводилася родней,
На крупѣ седьмой водой.
Оттого была и чванна.
Величали ее Анна.
Полетѣлъ за ней гонецъ,

Проситъ въ Питеръ, во дворецъ,
Прибыла она, а съ ней
То ли кучеръ, то ль лакей,
По прозванію Биронъ
(Былъ ея любовникъ онъ).
Сѣла Анна на престолъ,
А Биронъ впередъ зашелъ.
Взялъ онъ въ руки царскій кнутъ
И давай хлестать имъ людъ.
И поролъ то безъ разбору.
Не смотрѣли на ту пору,
Кто былъ правъ, кто виноватъ.
И такой-то прокуратъ!
Поретъ, поретъ, а потомъ
Ставитъ на снѣгъ нагишомъ,
Обдаетъ водой студеной.
Сильно мерзъ народъ крещенный...
Миновалъ десятый годъ.
Чуетъ Анна: смерть идетъ.
Шлетъ она тутъ за границу
Кликать дальнюю сестрицу,
И сдаетъ передъ кончиной
Царство сестриному сыну,
По прозванію Ивану.
Закопали въ землю Анну.
А Иванъ еще младенецъ,
А породою-то нѣмецъ.
Видя то, Елизавета,
Дочь приблудная Петра,
Надѣваетъ эполеты
И выходитъ со двора.
По бутылочкѣ на брата
Всѣмъ гвардейцамъ поднесла
И промолвила: «Ребята!
А вѣдь я къ вамъ, что пришла?
Мнѣ отъ нѣмцевъ тѣхъ издѣвку

Ужъ терпѣть совсѣмъ не въ мочь.
Вы меня застойте, дѣвку,
Прогоните нѣмцевъ прочь,
Прижита я хоть и въ блудѣ,
Только все-же дочь Петра».
Перепившіеся люди
Громко гаркнули «ура!»
Въ ту же ночь царька Ивана
Взяли съ мягкаго дивана,
Вмѣстѣ съ матерью, въ острогъ,
Подъ желѣзный подъ замокъ.
А на утро, на разсвѣтѣ
Присягнули Лизаветѣ.
Туру-бомъ, туру-бомъ.
Ходи печь, ходи домъ!
Коромысломъ дымъ пошелъ:
Сѣла Лиза на престолъ.
Вѣкъ слыла она дѣвицей,
Хоть и знали всѣ въ столицѣ,
Что царица въ одиночку
Коротать не любитъ ночку.
Баба ль, дѣвка ль, только ей
Не послалъ Господь дѣтей.
Вотъ она въ великомъ горѣ
Шлетъ пословъ своихъ за море,
По нѣмецкимъ по дворамъ,
Распытать, развѣдать тамъ:
Можетъ кто-нибудь пойдетъ
Изъ князей къ намъ на разводъ?
Посчастливилось царицѣ.
Отыскался за границей
Князь такой, что согласился
И въ Россію снарядился.
Былъ нѣмецкій тотъ князекъ,
Что Емеля дурачекъ.
Въ двадцать лѣтъ кубарь гонялъ,

На кнутѣ верхомъ скакалъ.
Въ Петербургъ Емелю взяли,
Да Петромъ его назвали,
А Романовымъ прозвали.
Тамъ нашлась ему невѣста,
Изъ нѣмецкаго же тѣста,
Не принцесса, не княжна,
Въ женскомъ платьѣ сатана.
Ту невѣсту Катей звали.
Скоро свадебку сыграли.
Стали жить и поживать,
Да приплода поджидать.
Только вотъ ужъ пятый годъ
Съ Катериной Петръ живетъ,
Богъ имъ дѣтокъ не даетъ.
Что тутъ дѣлать? какъ тутъ быть?
Чѣмъ тутъ горю пособить?
Вѣдь того и жди, что снова
Роду царскому капутъ.
Офицера Салтыкова.
На подмогу тутъ зовутъ...
Колесомъ промчался годъ.
Катерина сына ждетъ.
Къ Салтыкова именинамъ
Разродилась, да не сыномъ,
Мертвой дѣвочкой... Вѣдь вотъ!
Все то рвется тамъ, гдѣ тонко...
Къ счастью въ Питерѣ чухонка
Родила подъ ту же ночь,—
Только сына, а не дочь.
Вотъ летитъ посолъ къ чухонцу
Отъ царицы изъ дворца.
Стукъ, стукъ, стукъ! къ нему въ оконце:
«Молъ, отдай-ка намъ мальца!»
Согласилась мать-чухонка,
Согласился и отецъ,

И курносаго чухненка
Потащили во дворецъ.
Тамъ обчистили, обмыли
Да Павлушой окрестили.
Сталъ онъ въ холѣ, нѣгѣ жить,
Въ златѣ, бархатѣ ходить
Да Петровымъ сыномъ слыть.
Отъ него-то царскій родъ
Корень свой теперь ведетъ.
Той порой Елизаветѣ
Надоѣло жить на свѣтѣ.
Позвала она Петра
И промолвила: «Пора!
Наступилъ нашъ смертный часъ.
Царствуй ты ужъ послѣ насъ»...
Тутъ царица заметалась,
Потянулась и скончалась.
Петръ Ѳеодорычъ-Емеля
Былъ царемъ всего недѣлю.
Полюбовникъ Катерины
Взялъ въ охапку двѣ перины,
На царя ихъ положилъ,
Тотъ потудово и жилъ.
Трубы кованы трубятъ,
Пушки мѣдныя палятъ,
Звонъ идетъ по всей столицѣ:
Стала Катенька царицей.
Задала она тутъ пиръ
Да на весь крещенный міръ.
Пиръ царица задала,
А крестьянъ не позвала.
Наказала мужикамъ,
Чтобъ сидѣть по деревнямъ,
Да ворочать на господъ,
Сколько сила чья возьметъ.
У царицы все пиры

До полуночной поры.
Межъ гостей она гуляетъ,
Милъ-дружочка выбираетъ.
По началу Салтыкова,
А потомъ взяла Орлова,
Тутъ Потемкинъ, Корсаковъ,
Зоринъ, Мамонтовъ, Чертковъ,
Князь Голицынъ, Богомоловъ,
Шкуринъ, Зубовъ да Ермоловъ.
Еще кучеръ Митрофанъ
(Видно тоже изъ дворянъ),
Да форейторъ Евстигней
По ночамъ ходили къ ней.
А коль всѣхъ то перечесть,
Наберется сотенъ шесть.
Кто царицѣ угодитъ,—
Счастье валомъ повалитъ.
Только самъ не прозѣвай,
Шире полы подставляй:
И деньгами, и чинами,
И землей, и деревнями,
Деревнями съ мужиками
Да со всѣми животами.
А помѣщики то круты,
А ихъ жены змѣи люты.
А суды то все неправы,
Не найти нигдѣ управы!
А коль стукнутся къ царицѣ,
Та лютѣе всѣхъ сторицей:
За прошенье на господъ
Ставитъ клейма, ноздри рветъ,
Ноги, рученьки куетъ.
Въ тѣ поры дешевле суки
Мужичекъ цѣниться сталъ.
Никогда подобной муки
Нашъ крестьянинъ не видалъ.

Мужиковъ и замутило.
(Ужъ должно быть тошно было!)
И поднялся тутъ народъ
На мучителей господъ.
Ихъ не мало на осинѣ
Перевѣшалъ Пугачевъ,
И самой Екатеринѣ
Крѣпкій сукъ ужъ былъ готовъ.
Да, вишь, время не приспѣло:
Послала царица въ дѣло
На возставшихъ мужиковъ,
Что ни лучшихъ семь полковъ.
Самъ Суворовъ генералъ
Впереди солдатъ скакалъ.
За царицу старый радъ
Хоть спуститься въ самый адъ.
Безъ пощады рѣжетъ, жжетъ,
А тутъ холодъ наддаетъ,
Устоятъ не могъ народъ.
Бросилъ онъ въ кусты дубину,
Вновь согнулъ покорно спину...
Катерина по управкѣ
Не боялась ужъ удавки.
Подмахнула подъ дворянъ
Три милльона душъ крестьянъ,
Заодно и казаковъ,
Запорожскихъ мужиковъ;
Добралася и до Польши...
Заграбастала бы и больше,
Да, вишь, какъ-то сѣла въ стуло,
Тутъ ее и надохнуло.
Сталъ царемъ въ Россіи Павелъ.
Онъ четыре года правилъ,
Палкой Русь во фронтъ поставилъ,
Только задомъ напередъ.
Подъ конецъ на пятый годъ,

Александръ, его сынокъ,
Взялъ батистовый платокъ
Да заткнулъ отцу ротокъ.
Павелъ ноги протянулъ
И не крикнулъ «караулъ».

Александръ въ новой модѣ
Началъ царствовать-управлять:
Всякій день сталъ о свободѣ
Послѣ чая разсуждать.
По коврамъ шелковымъ бродитъ,
Бѣлой ручкою разводитъ:
—„Непременно дать свободу
Надо русскому народу“!
Кто былъ парень не простакъ,
Ухмылялся лишь въ кулакъ:
—„А вѣдь царь, молъ не дуракъ!“
А иной и ротъ разинулъ...
Той порой на Русь надвинулъ
Самъ французъ Наполеонъ,
Былъ вояка бравый онъ;
Битъ ни разу не бивалъ,
Ну, а самъ такъ всѣхъ бивалъ.
Да вмѣшался тутъ морозъ;
Сталъ щипать его за пятки.
Повернулъ французикъ носъ
И пустился безъ оглядки.
Все спокойно стало снова.
Тутъ опять въ простомъ народѣ
Толкъ поднялся о свободѣ.
Ждутъ, чтобъ царь промолвилъ слово.
Только царь пошелъ чудить:
По знахаркамъ сталъ ходить,
Колдовать учиться сталъ,
А всю власть вельможамъ сдалъ,
Про свободу жъ ни гу-гу.

Аракчеевъ генералъ
Весь народъ согнулъ въ дугу.
Сталъ военныя селенья
Заводить для развлеченья.
Мужикамъ велѣлъ побриться
Да въ шинели нарядиться,
До полденъ косить, пахать,
А съ полденъ ружьемъ махать.
Всѣхъ поставилъ на учетъ:
Кто что кушаетъ и пьетъ.
И въ году всего семь денъ
Цѣловать дозволилъ женъ.
По субботамъ бани были:
Мужиковъ плетями били.
Да мужикъ не то снесетъ,
Онъ покорно спину гнетъ;
За царя молитвы шлетъ.
Въ долгомъ времени аль вскорѣ
Царь отправился на море,
Да разстроился въ дорогѣ
И скончался въ Таганрогѣ.
А гвардейскіе солдаты,
Про кончину ту прознавъ,
Говорятъ:—„а что, ребята,
Не добиться ли намъ правъ?
Жизнь то больно не сладка.
Да вспомянемъ и про брата,
Вспомнимъ брата-мужика.
Мужичекъ весь вѣкъ ломаетъ
На царя и на господъ.
Да и насъ, солдатъ, питаетъ
И награды не беретъ...
Вотъ на площадь выступаютъ,
Трубы звонкія играютъ,
Самъ полковникъ впереди
Съ крестами на груди.

Молвитъ: „Братцы, не плошай!
Побѣди аль умирай!“
Да вотъ то-то и оно,
Что не всѣ то заодно.
Царь тутъ новый, Николай,
Выводить войска давай,
Началъ въ гвардію палить,
Кровь солдатскую сталъ лить.
Разстрѣлялъ онъ молодцовъ,
Что пошли за мужиковъ,
А полковника повѣсилъ.
Воротился съ боя веселъ.
Началъ жить да поживать,
Да народъ сквозь строй гонять.
Утромъ только зорю бьютъ,
Ужъ наказывать ведутъ.
А солдаты ждутъ въ рядахъ,
Держатъ палочки въ рукахъ.
Какъ ударятъ разъ пятьсотъ,
Не опомнишься и въ годъ,
А какъ влѣпять тысячъ пять,
Такъ въ могилу ляжешь спать...
Хорошо солдаты бьютъ,
Царя Палкинымъ зовутъ.
Николай то хоть и крутъ,
Да не все же кнутъ да кнутъ.
На утѣху сиротамъ
Онъ завелъ жандармовъ намъ.
Жандармъ ходитъ по полу,
На немъ сабля до полу;
Голубой его нарядъ,
Ясны пуговки горятъ.
На груди виситъ шнурокъ,
Въ ручкѣ бѣленькій платокъ.
На шнуркѣ отцовъ онъ душитъ,
А ихъ дѣтямъ слезы сушитъ;

Какъ утретъ платочкомъ разъ,
Ужъ не слезы, кровь изъ глазъ.
Царь своихъ то бить умѣлъ,
А съ врагомъ не совладѣлъ.
Ужъ и тяпнули мы горя,
Какъ зашла война на морѣ!
Николай того не снесъ:
Со стыда повѣсилъ носъ.
Скоро послѣ умеръ онъ.
Сынъ его тутъ сѣлъ на тронъ.
Александръ Второй на сходку
Всѣхъ дворянъ въ Москву согналъ,
Вышелъ самъ къ нимъ на середку
И такую рѣчь держалъ:
—„Благородное собранье!
Попрошу у васъ вниманья,
Позабудьте на минутку,
Что на мнѣ высокій чинъ,
И запомните не въ шутку,
Что я—первый дворянинъ.
Я во многомъ съ вами схожъ.
Какъ и вы, владѣю тожъ
Крѣпостными и землей,
Да не малой полосой.
А веду я рѣчь къ тому,
Что, по счету моему,
Вѣдь у васъ и у самихъ
Есть не мало крѣпостныхъ.
Но впередъ, должно признаться,
Такъ не можетъ продолжаться.
Подопрѣло наше дѣло!
Все, слышь, подъ гору ползетъ:
Ужъ съ начальствомъ спорить смѣло
Крѣпостной почалъ народъ.
Вѣрьте мнѣ, коль намъ на волю
Не пустить его самимъ,

Черезъ годъ аль два, не болѣ,
Уже не будетъ сладу съ нимъ.
Правду молвить вамъ ребята,
Вся надежда на солдатъ:
Кабы только не солдаты,
Намъ давно бъ ужъ вышелъ матъ!
Но не бойтесь. Я въ обиду
Ни себя, ни васъ не дамъ,
И вотъ здѣсь, божуся вамъ,
Что свободу лишь для виду
У меня получитъ хамъ.
Мужику въ надѣлъ землицы
Мы отрѣжемъ два вершка.
За земельку жъ ту сторицей
Мы облупимъ мужика.
А за волю намъ должно бы
Положить такой оброкъ,
Чтобъ мужикъ его до гроба
Съ шеи снять своей не могъ.
Такъ и будемъ дѣло ладить,
Чтобъ другъ дружкѣ не подгадить".
Александръ-освободитель
Тутъ дворянъ къ столу позвалъ:
—„Подкрѣпиться не хотите-ль!"
И шампанскимъ угощалъ.
Что жъ?—Вѣдь вышло въ самомъ дѣлѣ
Какъ по писанному такъ.
И крестьянинъ на надѣлѣ
Сѣлъ, какъ будто на мель ракъ.
Какъ и прежде онъ ломаетъ.
Словно меринъ, на господъ,
А что лишку добываетъ,
Въ казну царскую несетъ.
Чешутъ голову крестьяне:
—„Вотъ поди жъ ты! что за прахъ?
Распроклятые дворяне

Обошли вѣдь насъ въ глазахъ.
Только вотъ уже дай сроку:
Царь про все узнаетъ самъ,
Онъ убавитъ съ насъ оброку,
И земли прибавитъ намъ.
Царь насъ пожалѣетъ,
Царь намъ порадѣетъ".
  Пожалѣлъ разъ волкъ кобылу—,
Хвость оставилъ ей да гриву,
Кости въ узелъ завязалъ,
Жеребяткамъ отослалъ.
Жеребята-малыши,
Жеребята-глупыши
Только кости увидали,
Громкимъ голосомъ заржали:
—„Ой ты, волкъ, ты нашъ волчекъ,
Ой ты, сѣренькій бочокъ!
Ужъ спасибо тебѣ, волкъ,
Что намъ матку уберегъ!"
  Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ,
А прирѣзки нѣтъ какъ нѣтъ.
Только міръ твердитъ свое:
—„Скоро будетъ намъ житье.
Царь про все узнаетъ самъ,
Онъ земли прибавитъ намъ!"
Только бѣлый свѣтъ, ей-ей,
Не безъ добрыхъ вѣдь, людей.
Вотъ пришли соціалисты,
Что разумны, что рѣчисты;
По народу они ходятъ,
Съ мужиками рѣчь заводятъ,
Разъясняютъ, что и какъ...
Да и царь то не дуракъ.
Эй, держись народъ ученый!
Государевы шпіоны
Въ городахъ, въ селеньяхъ рыщутъ,

„Сицилистовъ“ всюду ищутъ,
Крутятъ за спину имъ руки,
Волокутъ въ острогъ на муки...
Да они не оробѣли,
И въ острогѣ правду пѣли.
Чтобы душеньку потѣшить,
Царь за то велѣлъ ихъ вѣшать.
Тѣ и видятъ, что добромъ
Не столкуешься съ царемъ.
Разъ конвоемъ окруженъ,
По столицѣ ѣхалъ онъ.
Ѣхалъ, ѣхалъ словно плылъ,
Да наткнулся на копылъ:
На дорогѣ, у канала,
Поѣздъ бомба поджидала.
Хоть конвой и не былъ плохъ,
Очутился царь безъ ногъ.
Новый царь на царство сѣлъ.
Міръ крещенный загудѣлъ:
—„Ужъ отъ этого царя,
Вѣрно, будетъ намъ земля!“
Вотъ выходитъ манифестъ,
Чтобъ старшины съ разныхъ мѣстъ
Собрались на сходъ въ Москву,—
Будетъ сонъ, молъ, на яву.
Взгомонился тутъ народъ,
Всякъ, не мѣшкая, идетъ
Хлѣбъ да соль царю поднесть,
Объ нуждѣ ему довесть.
Вотъ царь вышелъ къ старшинамъ,
Держитъ рѣчь онъ къ мужикамъ,
По ученому ведетъ,
Словно сабелькой сѣчетъ.
Бьетъ ихъ словомъ по кудрямъ,
По ихъ сивымъ головамъ:
—„Ой вы, гой еси старшины,

Стоеросовы осины!
Полно вѣрить въ небылицы,
Не дождетесь вы землицы.
Передайте мужикамъ,—
Ничего я имъ не дамъ.
И скажу вамъ на прощанье,
Чтобъ вы были въ послушаньи
У моихъ у воеводъ,
У чиновниковъ, господъ.
А въ кручинѣ деревенской
Утѣшать васъ будетъ земскій".
Царь тутъ сдѣлалъ знакъ рукой:
—„Убирайтесь съ глазъ долой!"
А старшины поклонились,
Повздыхали, покрестились
И пошли обратно въ путь,
Свѣсивъ головы на грудь...
  Попередъ ихъ мчится вѣтеръ,
Милость царскую несетъ,
Гнетъ верхушки старыхъ ветелъ,
Надъ избой въ трубу поетъ:
—„Нѣтъ земли, коль воли нѣтъ!"
Слышитъ пѣсню старый дѣдъ,
Съ печи голову спустилъ,
Мижикамъ проговорилъ:
—„Вишь надѣялись то зря.
Надо ждать еще царя".
—Александръ сидитъ на тронѣ
Въ златокованной коронѣ,
Хлещетъ пиво да вино,
Самъ же думаетъ одно:
—„Какъ бы снова подъ господъ
Воротить простой народъ.
А по царству съ давнихъ поръ
Ходитъ голодъ, ходитъ моръ.
Александру нѣтъ бѣды:

Онъ не вѣдаетъ нужды.
Подъ царемъ кряхтитъ народъ,
Да въ деревнѣ слухъ идетъ:
У царя сынокъ растетъ;
Хоть умомъ и не силенъ,
Да къ народу доберъ онъ.
—„Погоди, помретъ старикъ,
Повольнѣй вздохнетъ мужикъ“.
Подъ святыми царь лежитъ,
На смотрины сынъ катитъ.
А народъ и не пойметъ,
Что такое онъ деретъ:
„Со святыми упокой“,
„По улицѣ-ль мостовой“.
На погостъ отца стащили,
За столъ свадьбу посадили.
Гости пили на здоровье
За Николино здоровье,
За жену его царицу,
За заморскую синицу.
Перепились всѣ до пьяна
Изъ щербатаго стакана.
Та-ра-рамъ. Та-ра-рамъ.
Хорошо житье царямъ!
Только свадебку сыграли,
По гостей опять послали.
Вышло снова столованье,
На Москвѣ коронованье.
Царь дворянъ къ себѣ повелъ,
Посадилъ съ собой за столъ,
А для чернаго народа
Бочки выкатили меда:
„Напивайтесь, дескать, въ волю!“
На Ходынскомъ славномъ полѣ,
На широкомъ на помостѣ,
Собрались царевы гости.

Только сѣли за столы,
Подломилися полы.
А помосты то высоки,
А подъ ними ровъ глубокій...
Послѣ трое сутокъ онъ
Былъ тѣлами загруженъ.
Царь съ такого злоключенья
Впалъ въ большое огорченье:
Онъ не плакалъ, не рыдалъ,
До полуночи плясалъ.

Праздно, весело въ столицѣ
Николай живетъ съ царицей.
Есть у нихъ ужъ и приплодъ,
Сынъ наслѣдничекъ растетъ.
(Говорятъ, не отъ царя,
И, должно, не мелютъ зря).
Кромѣ сына, есть и дочки,
Что лазоревы цвѣточки,
А всего то пять ребятъ,
По-нѣмецки всѣ пищатъ.
А дворецъ то заглядѣнье.
Есть еще у нихъ имѣнья:
Сто милльоновъ десятинъ.
Царь владѣетъ всѣмъ одинъ.
Тѣ имѣнья не простыя,
Въ нихъ все руды золотыя.
Сверхъ того еще доходъ
Изъ казны царю идетъ:
Получаетъ въ мѣсяцъ онъ
Чистоганомъ—милліонъ.
А все платитъ мужичекъ,
Хоть самъ ходитъ безъ портокъ.
Чтобъ морочить мужиковъ,

Царь настроилъ кабаковъ.
Безъ просыпу пьетъ народъ,
А царю и безъ заботъ:
Царствуй, сидя подъ оконцемъ.
Вдругъ зашла война съ японцемъ.
Только царь, поди, не трусъ:
Онъ себѣ не дуетъ въ усъ,
Вмѣсто-жъ крѣпкой обороны,
Шлетъ въ Манчжурію иконы.
  Топоры кузнецъ куетъ,
А самъ пѣсенки поетъ:
„Какъ девятаго числа
Насъ нелегкая несла,
Что ко Зимнему-Дворцу
Къ самому царю-отцу.
Не гулять къ нему, не пить,
Шли мы милости просить.
А ужъ онъ насъ угостилъ,
Да покотомъ положилъ,
Бѣлымъ снѣгомъ накормилъ,
Нашей кровью напоилъ.
Съ того пира тысячъ пять
На погостъ тащили спать.
Ой ты, батюшка, нашъ царь,
Православный государь,
Не забудемъ мы во вѣкъ,
Что ты добрый человѣкъ!“
  Близъ полгода вновь уплыло.
Бѣлы снѣги растопило,
Муравой могилы вскрыло
И на дно японскихъ водъ
Опустился русскій флотъ.
Сталъ опять народъ гадать,
Какъ бы такъ царя изнять.
Говорили такъ и эдакъ
И рѣшили напослѣдокъ:

Вышли смуты по полкамъ“...
Вотъ, чтобъ кончить забастовку,
Царь пустился на уловку,—
Манифестъ издалъ скорѣй,
И не выдумать хитрѣй:
„Божьей Милостію Мы
Объявляемъ всей Россіи:
Миновало царство тьмы,
Времена прошли лихія.
Много лѣтъ изъ года въ годъ
Притѣсняли Мы народъ,
А теперь всему народу
Возвѣщаемъ Мы свободу.
Нынче всякій можетъ вслухъ
Поносить царевыхъ слугъ.
Да задумали мы разомъ
Настоящимъ же указомъ
Думу въ Питерѣ созвать
И ей власть всю нашу сдать.

PAGE NOT AVAILABLE

Больше заднимъ все числомъ.
Вотъ собрались депутаты
Въ государевы палаты,
Стали думать да рядить,
Чѣмъ народу пособить.
Только видятъ—дѣло ясно,
Что и спорить тутъ напрасно:
Мужикамъ земли прирѣзать,
У господъ же поурѣзать,
„Все де зло отъ богачей“.
Отъ правдивыхъ тѣхъ рѣчей
У царя занялся духъ,
Онъ къ царицѣ: „Милый другъ,
Депутаты то какъ разъ
Доберутся и до насъ.
Вѣдь у царской то семьи,
Чай побольше всѣхъ земли.
Показалъ бы я имъ Думу,
Кабъ въ Москвѣ не вышло шуму!
Что то скажутъ мнѣ министры“...
А министры-голосисты,
Только на руку не чисты.
Заодно они съ царемъ.
Хоть гори вся Русь огнемъ.
Такъ у нихъ не вышло спора.
Разогнали Думу скоро,
Депутатовъ похватали
По острогамъ разсовали
И на страхъ Россіи всей
Судъ открыли полевой.
Царь казнитъ безъ сожалѣнья,
А все нѣту усмиренья,
Вотъ полгода уплываетъ,
Думу снова онъ сзываетъ,
Глядь, и новая про то жъ,
Про земельный про дѣлежъ.

Да лишь зубы чешутъ зря;
Власть-то вся въ рукахъ царя.
А ему, вишь, тотъ дѣлежъ
Все равно, что острый ножъ.
Снова Думу онъ прогналъ,
Выбрать третью приказалъ,
Да при томъ и наказалъ:
Чтобы вмѣсто непокорныхъ
Выбирали только „Черныхъ“.

* * *

Вотъ лежитъ на печкѣ дѣдъ,
Девяносто почти лѣтъ.
На утѣху старыхъ дней
Трехъ имѣлъ онъ сыновей.
Трое всѣ въ могилѣ спятъ.
Ужъ какъ самый старшій братъ
Въ день девятый января
На пиру былъ у царя.
Въ чужедальнѣй сторонѣ
Палъ середній на войнѣ.
Младшій былъ недавно живъ,
Да среди родимыхъ нивъ
Судъ военно-полевой
Удушилъ его петлей.
Долбитъ дѣдка на печи
Мослаками кирпичи.
Вотъ ужъ онъ, который годъ
Царской милости не ждетъ.
Внука съ бѣлой головой
Гладитъ дряхлою рукой,
Тихо шепчетъ: „Выростай,
Самъ свободу добывай!
Милость царская велика,
А не стоитъ она лыка!“
Ходитъ староста Федотъ,
Мужиковъ на сходъ зоветъ:

Депутатовъ выбирать,
Въ третью Думу посылать.
Съ печи дѣдъ кряхтя спустился
И на сходку потащился.
Обступили дѣда вкругъ:
— „Присовѣтуй, милый другъ!“
А старинушка въ отвѣтъ:
— „Ужъ не знаю что, мой свѣтъ!
То ли Думу выбирать,
То ли брагу затирать?
Эхъ, заваримъ бражку нову
На погибель, на цареву!
Отъ него не жди добра.
Взяться намъ за умъ пора:
Пусть крестьянскій міръ честной
Управляетъ самъ собой“.
Только староста Федотъ
Тутъ выходитъ напередъ.
А Федотъ живетъ богато,—
Былъ въ кабачникахъ когда-то.
У Федота длинный усъ,
У Федота грубый голосъ.
Онъ записанъ въ сотнѣ черной
И слуга царю покорный:
—„Да за этакую рѣчь
Мало голову отсѣчь!
Вишь онъ что: „Царя не надо!“
Тутъ, къ примѣру даже стадо
Не живетъ безъ пастуха“.
Дѣдъ на это;—„Ха-ха-ха!
Эхъ, ты староста Федотъ!
Да вѣдь въ стадѣ ходитъ скотъ,
А мужикъ то нешто быкъ?
Прикусилъ бы ты языкъ:
Борода то, что лопата,
А умомъ, знать, не богата!“

Тутъ Федотъ и ротъ разинулъ,
А старикъ картузъ надвинулъ
И пошелъ изъ круга вонъ.
Я про все то слышалъ звонъ.
Самъ на сходкѣ не бывалъ,
А что слышалъ, разказалъ.

Вотъ и сказкѣ конецъ,
А намъ бражки корецъ.
А мы бражки попьемъ
Да еще заведемъ.

Каталогъ издательства «ЕДИНЕНІЕ», Одесса.

Дѣдушка Тарасъ. Правдивая исторія о русскихъ царяхъ (Русская исторія въ стихахъ) ц. 35 к.

С. Сѣрый. Какъ русскій народъ добылъ себѣ „Землю и Волю" (Исторія русской революціи въ стихахъ) ц. 50 к.

Аграрныя программы соціалистическихъ партій Западной Европы и Россіи, **съ предисловіемъ П. Маслова,** ц. 40 к.

Л. Н. Толстой. Патріотизмъ и правительство, ц. 35 к.

Г. Спенсеръ. О правѣ собственности на землю, ц. 35 к.

С. Васильевъ. Хитрая механика или какъ незамѣтно грабятъ народъ (бесѣды о косвенныхъ налогахъ) ц. 35 к.

„Что надо знать свободному гражданину".

подъ ред. М. Бикермана.

Кн. I. Чего хотятъ соціалисты-революціонеры, съ приложеніемъ программы партіи, ц. 12 к.

„ II. Чего хотятъ соціалъ-демократы, съ приложеніемъ программы партіи, ц. 12 к.

„ III. Готовьтесь къ Учредительному Собранію (что такое Учредит. Собраніе, задачи Россійскаго Учред. Собранія, что должно дать народу Учредит. Собраніе) ц. 14 к.

„ IV. Какъ намъ править собой. (О монархіи и республикѣ) ц. 15 к.

„ V. Какъ мы будемъ выбирать (о выборныхъ системахъ) ц. 14 к.

„ VI. Какъ устроились другіе народы и что намъ у нихъ перенять, ц. 18 к.

Открытыя письма изящно исполненныя въ 2 краски по рис. художника MAD на тему: **„Политическая исторія Россіи въ карикатурахъ".** Серія I (10 открытокъ). Розничная цѣна за всю серію 1 р.

Россійскому пролетаріату на память о свободномъ празднованіи 1 мая. Картина въ 5 красокъ, размѣромъ $27^1/_2 \times {}^1/_2$ с. м. Розничная цѣна 25 к.

Widener Library
3 2044 099 625 345